

ЭЛЕМЕНТЫ НАДЕЖДЫ*

Режим Кадара, возникший в результате интервенции 1956 года, пользуется в мире хорошей репутацией. Придя к власти, Кадар постарался задобрить прежде всего мелкую буржуазию, служившую опорой правым. Но ему удалось обеспечить более высокий уровень жизни так же для рабочих, большую творческую свободу для интеллигенции. То что происходило в Венгрии в 1958–68 годах можно было бы назвать „пассивной революцией”. Сверху осуществлялись реформы в том же направлении, в каком призвал ранее Имре Надь. Следует вспомнить А. Грамши, говорившего, что пассивная революция происходит там, где настоящая революция почему-либо не смогла развиваться, однако ее сохранившийся и трансформировавшийся импульс продолжает действовать. В этом случае консервативный режим, оказавшийся наследником революционного, в значительной степени вынужден продолжать его политику. Импульс революции 1956 г. лежал в основе всех кадаровских реформ. Страх перед повторением событий 23 октября, ощущение необходимости и закономерности этих событий — все это заставляло Кадара идти на уступки.

* Отрывок из книги „Диалектика надежды”. Рукопись этой книги попала в „Самиздат” в 1980 г. Одна из ее глав была напечатана в 7–8 номере журнала „Проблемы Восточной Европы” под псевдонимом „В.Краснов”, в 11–12 номере журнала отрывки из этой книги были опубликованы под настоящей фамилией автора. Приведенный здесь отрывок, как и фрагменты из книги в 7–8 и 11–12 номерах журнала, печатается без ведома автора. — Ред.

Курс на ликвидацию экономических диспропорций, развитие легкой промышленности, объявленный Надем, продолжал и Кадар. Новые производственные кооперативы в деревне гораздо больше соответствовали интересам крестьян. В 1962 г. была проведена широкая амнистия, участники революции 1956 г. были освобождены. Кадар провозгласил своим главным принципом умеренность и либерализм. „Кто не против нас, тот с нами,” — заявил он. Его режим готов сотрудничать со всеми гражданами, включая людей с мировоззрением, не вполне соответствующим официальной идеологии, „или даже по своим взглядам далеким от нас”.¹ Сам по себе тот факт, что государство официально признает существование в стране людей несогласных с бюрократией и при этом готово считать их полноценными членами общества, а не „отщепенцами” и „антисоциальными элементами”, совершенно беспрецедентен в Восточной Европе.²

К концу 60-х годов Кадар начал проводить новую экономическую реформу, суть которой сводилась к демократизации системы управления и повышению ее эффективности. Новые средние слои, которые раньше обслуживали правящую бюрократию, отныне получили известную долю власти. Специалисты и менеджеры были признаны равноправными партнерами, добились социальной автономии. На заводе директор получил широкие полномочия. Зависимость предприятий от центра сократилась. Таким образом значительная часть власти на местах, по крайней мере в экономике, перешла из рук бюрократии в руки технократов и представителей средних слоев.

Частичная децентрализация и дебюрократизация изменила всю экономическую жизнь страны. Перед Кадаром стояла задача — преодолеть неэффективность бюрократического планирования. И именно в этом направлении велась основная работа. „Наша прежняя и нынешняя система планирования, — писал в 1966 году венгерский экономист Р. Ньерш — по отношению к СССР его слова, увы, актуальны и в 1980 г., — ценообразования и финансирования создает слишком много препятствий для развития товарных рыночных связей между производителем, заказчиком и потребителем. Вследствие этого, с одной стороны плановики и хозяйственники воспринимают влияние рынка лишь косвенно, с опозданием и в искаженном виде, а с другой —

на предприятиях не проявляется надлежащая заинтересованность в ведении дела с учетом требований рынка. Слишком широкая сфера действия устанавливаемых государством цен, а также обязательство принимать планируемую продукцию часто делает для производственного предприятия внешне рентабельным выпуск даже ненужной продукции. Система планирования, цен и финансирования настолько „оберегает” производство от рынка, что это позволяет ему относиться терпимо к топтанию на месте, игнорировать технический прогресс. Такая система управления оказывается сегодня неэкономичной...”³ В результате возникает явление типичное для хозяйства советского типа: перепроизводство ненужной продукции и нехватка нужной.

В целях преодоления этого противоречия венгерские technocrаты расширили возможности предприятия согласно принципу: „решения по каждому хозяйственному вопросу принимать на том уровне, на котором имеется наилучшая информация и наибольшая заинтересованность”.⁴ Основой планирования стали не спускаемые сверху „плановые показатели”, а государственное регулирование финансов и заказы государственных организаций и предприятий-партнеров. Венгерские экономисты учитывали при этом опыт капиталистического регулирования, показавший, что совсем не обязательно прибегать к прямым директивам, чтобы заставить предприятия действовать в определенном направлении. Кроме того в Венгрии была создана возможность для „разумной экономической конкуренции” между государственными предприятиями. Это — вполне естественное следствие расширения прав предприятия. Но у людей, привыкших к бюрократической системе хозяйствования, само слово „конкуренция” не могло не вызвать ужаса.

„— Но если конкуренция — значит не только победители, но и побежденные... — спрашивал в некоторой растерянности советский экономический журналист П. Волин.

— Конечно.

— Тогда может случиться, что предприятие, продукция которого уступает изделиям своих конкурентов, окажется в довольно затруднительном положении?

— Да, такая опасность для него не исключается. И она нужна. Она заставляет предприятие все время думать об уважаемом

потребителе и перестраиваться, если его обогнали конкуренты. А не будь этого, оно и дальше сможет выпускать неходовую или слишком дорогую продукцию.

— А если перестроиться все-таки не удастся? Если, несмотря на все усилия предприятия, его изделия не расходятся, как быть тогда?

— Тогда предприятие надо закрыть.

— Закрыть??

— Да, закрыть. Разумеется, это не значит, что завод пойдет с молотка. Завод — собственность государства. Закрыть — значит изменить профиль предприятия, может быть, даже передать в другую отрасль, в другое министерство. Словом, перевести на выпуск другой продукции”.⁵ Еще более был поражен Волин, выяснив, что венгерские министерства не вмешиваются в дела предприятия, занимаясь лишь вопросами, связанными с развитием отрасли в целом, ее перспектив, подготовкой кадров, решением крупных научно-технических проблем и т. п.

Изменился и механизм ценообразования. „С 1 января 1968 года, — писал Волин, — в Венгрии введены три основных вида цен. На важнейшие виды сырья, материалов и предметов потребления, такие, как хлеб, масло и т. п. государством установлены твердые цены. Для большей же части товаров государство определяет лишь пределы, в которых предприятие и торговля, по договоренности между собой, сами назначают цены. А для некоторых товаров (запасные части, особо модные изделия) нет и таких ограничений. Тут предприятие вольно само распоряжаться ценами”.⁶

В итоге всех этих мероприятий в Венгрии возник совершенно новый хозяйственный механизм, непохожий на советский. За десять лет, последовавших после официального начала хозяйственной реформы, Венгрия добилась многого. Повысилась заинтересованность рабочих коллективов в успешном функционировании предприятий, ставших автономными. Центр больше не сковывал проявление инициативы на местах. За период 1968—1978 гг. национальный доход Венгрии увеличился на 80%, примерно на столько же возросло промышленное производство, причем, главным образом, за счет повышения производительности труда. И это в период, когда другие страны Восточ-

ной Европы сталкивались с растущими трудностями.

Среднегодовой рост сельскохозяйственного производства увеличился за это время с 2% до 3,5%, при том, что число людей, работающих в деревне, постоянно сокращалось. Венгрия теперь не только обеспечивает себя сельскохозяйственной продукцией, но и экспортирует ее, в то время как Советский Союз, некогда „житница Европы”, теперь зависит от импорта зерна, масла и др. продуктов. За 10 лет объем производства в сельском хозяйстве Венгрии увеличился на 36%.

Сократилась рабочая неделя, введены пособия по уходу за детьми, возросли внутренние фонды предприятий. Государство опасалось, что рост заработной платы сделает покупательную способность большей, чем оно сможет удовлетворить. Поэтому заработную плату сдерживали. Однако в ходе реформы выяснилось, что система автономных предприятий гарантирует уровень заработной платы, соответствующий качеству рабочей силы, и ее рост связан с ростом эффективности предприятий и экономики в целом. Чем больше производилось в масштабе общества действительно полезных предметов, тем выше оказывалась покупательная способность народа. Система регулировала сама себя.

Энтузиасты венгерской модели считают, что именно здесь найдено гармоничное сочетание плана и рынка, автономии и централизма. Кадаровскому режиму удалось то, что не удалось Тито в Югославии. Но надо помнить и о ряде фактов, заставляющих по-иному взглянуть на эту идиллию.

Никакого рабочего самоуправления в Венгрии нет. Формально заводские советы существуют, но они не являются демократически избираемыми органами. Автономия предприятий оборачивается диктатурой „коммунистических” менеджеров на производстве. Рабочие материально заинтересованы в создании качественной продукции, но они вовсе не чувствуют себя хозяевами на производстве. Хотя условия, в которых они находятся, лучше, чем в других странах Восточной Европы, рабочие по-прежнему подвергаются эксплуатации, причем эта эксплуатация постоянно усиливается. Венгерские диссиденты М. Хорати и М. Раковский в своих исследованиях показали, что эффективность венгерской экономики дорого стоит простому рабочему.

Возникшее в Венгрии потребительское общество западного образца деформирует психику трудящегося. „Потребление пожирает рабочего” назвали свое исследование левые венгерские социологи, изучавшие положение на знаменитом заводе по производству автобусов „Икарус”.⁷ Общество предлагает массу соблазнов, но за все надо платить. Цены растут, а рабочие вынуждены трудиться все больше. Менеджеры выжимают из них все, что могут.

Политический либерализм кадаровского режима тоже носителен. Конечно в Венгрии принято уважать права человека больше, чем в СССР или в соседней Румынии. Иначе возникла бы политическая атмосфера, в которой кадаровская хозяйственная модель не смогла бы нормально функционировать. Еще в 1966 г. Р. Ньерш писал: „Мы не без оснований ожидаем, что реформа окажет заметное положительное влияние на расширение демократии. Демократия, имеющая более глубокое содержание, создаст такие важные предпосылки, которые в настоящее время еще отсутствуют, причем из-за их отсутствия демократические принципы часто применяются лишь формально”.⁸ Поделившись частью экономической власти с технократами, кадаровская бюрократия смягчила и политический режим.

Дьердь Лукач, который был министром культуры в правительстве Имре Надя, спокойно дожил свои последние годы в Будапеште, публикуя на Западе свои поздние работы, создавшие ему славу антисталиниста и врага бюрократии. Ученики Лукача также работали довольно свободно. Но поэт М. Хорати, автор книги о положении рабочего класса в Венгрии, подвергся репрессиям. Власти четко проводят разграничение между допустимой и недопустимой критикой.

„Правительство, — писал М. Раковский, — не желает бросать всю интеллигенцию в объятия оппозиции. Оно быстро поняло, что лучше продолжать старую игру с теми, кто готов уважать правила. Ситуация осложняется лишь для тех, кто их нарушает. Но эти последние готовы идти на риск, они не беззащитны. Если удастся создать общественное мнение, выступающее в защиту прав человека, это общественное мнение будет им защитой”.⁹

Интеллигенция все больше ощущает себя противостоящей

режиму Кадара, причем рабочий класс в этой борьбе, безусловно, является ее первейшим и надежнейшим союзником, в то время как средние слои, к которым она была традиционно близка, готовы принять систему полностью. Лояльность средних слоев делает режим более стабильным, дезорганизует интеллигенцию. Но все же борьба трудящихся с бюрократией назревает. Компромисс не может быть вечным.

Кадар не может осуществить право на демократию, право на политический выбор. В Венгрии, как и в Испании в последние годы жизни Франко и первые месяцы либерализации, все больше людей приходит к выводу, что свобода — это не только когда ты имеешь право рассуждать о политике, не боясь ареста, но и когда ты имеешь право участвовать в ней и влиять на нее, когда ты способен выбирать. Значит, надо идти вперед по пути демократизации. Имре Надя снова вспоминают на берегах Дуная.

* * *

После венгерских событий 1956 г. наши бюрократы делали все возможное, чтобы свернуть реформы. Хрущев испугался настолько, что готов был начать наступление на интеллигенцию, несмотря на ее готовность поддерживать правительство в любых мало-мальски здравых решениях. Конфликт с интеллигенцией был для Хрущева опасен не потому, конечно, что интеллигенты способны были отстранить его от власти, а потому, что он портил отношения с той самой социальной группой, которая готова была выступить на его стороне. Действия Хрущева помогли значительной части интеллигентов осознать, что в действительности их интересы и интересы власти прямо противоположны.

К концу правления Хрущева относится и первый конфликт рабочего класса с бюрократией. Система переживала в связи с либерализацией известные трудности. В послесталинском обществе пришлось отказаться от многих старых методов, необходимо было как-то ужиться с новыми веяниями. Роль мировой державы была связана для СССР и с потерей герметичности развитием международных связей. В нашей стране складывалось потребительское общество. Все это должно было в целом улучшить жизнь народа. Но в то же время система, созданная в со-

вершенно других условиях, разладилась и начала переживать трудности, ударившие по рабочим массам. Вместе с уровнем жизни выросли и цены. Для того, чтобы избежать быстро растущей инфляции, правительство начало проводить политику сдерживания заработной платы.

В 1962 г. в Новочеркасске произошло восстание рабочих, протестовавших против роста цен и снижения расценок. Были посланы войска. Стреляли в безоружных людей. По городу шли танки с десантом на броне. Такого Советский Союз еще не знал. Наша страна внезапно столкнулась с событиями, подобными венгерским, и стало ясно, что у себя дома бюрократия так же враждебна народу, как и за границей. Кровавая баня в Новочеркасске заставила многих рабочих расстаться со своими иллюзиями относительно нашего этакратического „социализма“. И новые поколения рабочих, вступающие в общественную жизнь после новочеркасских событий, не могут пройти мимо этого жестокого урока классовой борьбы, который преподала нам бюрократия.

Когда пал Хрущев, мало кто в стране горевал. Никто не ощущал, что кончилась целая эпоха. Новое правительство готово было проводить дальнейшие реформы. На сей раз было необходимо модернизировать управление народным хозяйством. Разладившуюся экономическую систему следовало привести в порядок. По мнению кое-кого из левых, начиналась вторая либерализация, на сей раз ведущая к серьезным структурным изменениям.

Первоначальный проект перемен, которые надеялись осуществить лидеры нашей страны, был очень близок к тому, которым руководствовался Кадар. Конечно, политическая либерализация вовсе не подразумевалась, но в сфере экономической намечались сделать примерно то же, что и в Венгрии.

Уже в начале 60-х годов советская экономика страдала от тех же „недугов“, что и в конце 70-х. Низкая производительность труда, низкий коэффициент фондоотдачи, кризис сельского хозяйства — хронические болезни нашей экономики, излечить которые можно только при помощи радикальных преобразований, посягающих на основы бюрократической системы. В начале 60-х годов положение заметно ухудшилось, необходимо было

принимать меры. Коэффициент фондоотдачи непрерывно ухудшался: „если данные 1955 г. принять за 100%, — писал В. С. Лельчук о периоде подготовки реформы, — то выпуск продукции на один рубль основных фондов промышленности СССР в 1965 г. снизился до 86,3%”.¹⁰ Неэффективность капитальных вложений особенно хорошо была видна в строительстве. По данным ЦСУ СССР на 1 января 1960 г. выяснилось, „что примерно половина приростов капитальных вложений обращается на увеличение объемов незавершенного строительства и что чрезвычайно возросший объем „незавершенки” значительно превышает нормы, а иногда даже годовой объем капитальных вложений”.¹¹ Выяснилось также, что так называемые „плановые показатели”, на которые ориентируется предприятие, явно устарели и стимулируют рост эффективности и качества.

Хозяйственные трудности заставили бюрократов обратиться к помощи профессиональных экономистов. Еще при Хрущеве началась открытая дискуссия о хозяйственной реформе. 9 сентября 1962 г. в „Правде” была опубликована статья Е. Либермана „План, прибыль, премия”. В ней автор предлагал изменить всю систему планирования. „Любые показатели, — писал он, — будут искажаться, когда их навязывают предприятиям сверху методом разверстки”.¹² По мнению Либермана, сверху предприятие должно получать лишь план по объему продукции в номенклатуре и срокам поставок (с учетом прямых хозяйственных договоров „производитель—потребитель”) и нормативы рентабельности, разработанные на длительный срок. Государство могло бы воздействовать на предприятие при помощи экономических рычагов — цен, финансов и т. п. Предприятие должно было получить возможность самостоятельно определять численность работающих, фонд заработной платы и пр. В его распоряжении должна была оставаться значительная доля прибыли.

Статья Либермана вызвала скандал. Так далеко идти бюрократы не собирались. Мероприятия, которые решились в конце концов проводить в рамках хозяйственной реформы, были очень далеки от проекта, предложенного Либерманом. Тем не менее и это был положительный сдвиг.

Реформа, начатая в 1965 г., должна была повысить производительность труда, сократить число занятых рабочих, уве-

чить резервы рабочей силы. Частичная децентрализация планирования, сокращение числа „показателей”, на которые ориентировалось предприятие, сопровождалось уменьшением вмешательства бюрократов во внутренние дела заводов и фабрик, ослаблением контроля, освобождением инициативы работников. Должна была возрасти роль менеджеров, развиваться легкая промышленность, сервис и т. п. Это могло означать также небольшую безработицу. Но, с другой стороны, как и в Венгрии, предприятия были бы заинтересованы не в формальном выполнении плана, а в результате труда. Это означало рост качества, сокращение ненужных затрат. Для экономики такая реформа была бы полезна.

В политической жизни страны она означала бы усиление роли технократии. Однако для рабочих она не дала бы никаких социально-политических преимуществ. Система не сделалась бы от этого более социалистической или более гуманной. Даже эффективность ее выросла бы в конечном счете куда меньше, чем ожидали реформисты. „Теоретик менеджмента, — писали английские социологи Элдридж и Кромби, критикуя технократические иллюзии, — основывается на вере, что качество решений и, следовательно, способность руководства, определяют организационный успех. Он, однако, не может игнорировать того факта, что менеджеры только часть сложной структуры, которую они не могут изменять по своей воле, а может быть и вообще не могут изменять. Вклад менеджера в достижения организации зависит, в частности, от экономических требований, обеспечивающих эффективность, и от технологии, которой располагает организация. Ясно также, что возможное влияние менеджера ограничивается психологическими особенностями индивидов, которыми он руководит, и особенностями социальных групп, состоящих из этих индивидов”.¹³

Менеджер-управленец далеко не всемогущ, а в тоталитарном обществе он особенно ограничен. Он все равно останется в подчиненном положении. Технократическое решение не помогает рабочим освободиться от бюрократической эксплуатации, а лишь делает ее более изощренной.

Конечно технократическая система отличается от бюрократической большей подвижностью и ориентированностью на эф-

фективность, в то время как бюрократия ориентируется на самовоспроизводство независимо от эффективности. Поэтому технократические решения привлекательны для многих в Восточной Европе. Но надо помнить, что технократы стремятся, по словам английских социологов, — „руководить индивидуальным работником как автоматом или как сугубо рациональным существом, отвечающим на экономические раздражители и внешние толчки заранее определенным и потому предсказуемым образом...”¹⁴ Технократия антигуманна и поэтому неизбежно терпит фиаско, когда необходимо иметь дело с реальными людьми. В условиях Восточной Европы она дает известный положительный эффект, но не обещает спасения. В конечном счете, бюрократическая система может смениться более эффективной, но столь же антигуманной, такой, например, как господство технократии, при котором, по словам американца А. Гоулднера, „люди превращены в рабочие инструменты, как общество, управляемое серыми бездушными людьми, где свобода, спонтанность, воображение, воля и творчество парализованы, подавлены, где индивидуальность и личность погребены под формализацией и рутинной...”¹⁵

Советский бюрократический аппарат не желал, однако, поделиться даже частью власти. И в этом была своя логика. Во-первых, реформы могут положить начало новым преобразованиям, и процесс трансформации общества примет лавинообразную форму, выйдет из-под контроля верхов. Во-вторых, технократия, столкнувшись в борьбе за эффективность с неподвижностью политических структур, может вступить в конфликт с правящим классом и попытаться модернизировать все государство целиком вместо того, чтобы ограничиться экономикой. Отсталые и дикие чиновники боялись за свои места. Наконец, автономия предприятий может развить в рабочих коллективистское сознание, инициативу, самостоятельность, и они потребуют участия в управлении. А отсюда уже недалеко до советов. Если на месте назначаемых сверху директоров окажутся выбранные самими рабочими — тогда, прощай навеки, социально-экономическая монополия бюрократии, а с ней и политическая. Реформы вместо того, чтобы модернизировать систему, могли

ее разрушить, в Праге весной 1968 г. это чуть не произошло.

Бюрократический аппарат отнесся к реформе, предложенной Брежневым и Косыгиным в первый год своего правления, крайне враждебно. Формально чиновники, стоящие ниже центра, лишены инициативы, но они сами могут парализовать любую инициативу. В случае с хозяйственной реформой наш бюрократический аппарат проявил себя как система контроля по отношению к высшему руководству. „Работа по правилам, — писали Элдридж и Кромби, — лишь один из способов бюрократического саботажа, при помощи которого нижестоящие участники могут распространять свое влияние вверх, снижая эффективность организации”.¹⁶ Наши бюрократы применили все возможные способы для достижения этой цели. И достигли ее.

Итоги реформы были мало впечатляющими. В 1968 г., сообщает один из энтузиастов А. Бирман, — был проведен опрос на Луганском тепловозостроительном заводе. Четыремстам пяти рабочим был задан вопрос: „Что дала производству и вам лично экономическая реформа?” Ответы видны из таблицы.

Производству			Мне лично		
Увеличение производства и прибыли	Мало, ничего	Не знаю	Увеличение зарплаты, премии	Мало, ничего	Не знаю
141	43	221	94	130	181

Если в Луганске на передовом промышленном предприятии в начале 1968 г. из 405 молодых рабочих 181 не знает, что дала реформа ему лично, и 221 — что она дала производству, а 130 и 43 считают соответственно, что либо им лично, либо производству реформа дала мало или ничего не дала, то тут есть над чем подумать.¹⁷

Аппарат сорвал проведение „косыгинской реформы”

и поставил своих лидеров на место. В Чехословакии события развернулись иначе, там аппарат потерпел поражение. Однако для правителей нашей страны это было лишь сигналом, заставившим их подчиниться воле аппарата. Испугавшись ослабления своей политической монополии, руководители бюрократии повернули вправо вслед за основной массой своего класса. Реформа провалилась. „Вторая либерализация” была отменена.

„Экономическая реформа, — писал советский социолог В. Заславский, эмигрировавший в Канаду, — начатая Брежневым и Косыгиным, четко выявила несовместимость между экономическим потенциалом страны и политической властью”.¹⁸ Провал реформы показал несостоятельность любых либеральных надежд и открыл дорогу реакции. Для людей, поверивших в возрождение социализма в нашей стране и надеявшихся на спокойные преобразования сверху, это было не только разочарование, это была идеологическая катастрофа. „Вопреки тому, что нам объясняли, — говорил Л. Альтюссер, подытоживая грустные размышления европейской (в том числе и советской) левой интеллигенции, — вопреки этой немарксистской псевдодиалектике, вероятно, что советский режим не имеет ни возможности, ни потребности в „демократическом социализме”.¹⁹

Вторжение в Чехословакию было историческим завершением этой политики поворота вправо. Наступил „красный 1968” — год окончательного размежевания революционных и реакционных сил в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Новейшая история зарубежных стран. 1939—1975. М., 1978, с. 203.
2. После всеобщей стачки 1980 г. в том же духе заговорили и в Польше.
3. Проблемы мира и социализма, 1966, № 10, с. 3.
4. Там же, с. 5.
5. Новый мир, 1969, № 3, с. 164.
6. Там же, с. 156—157.
7. См. Neues Forum, 1979, Heft 311/312.
8. Проблемы мира и социализма, 1966, № 10, с. 12.
9. L'Esprit, 1978, No. 7—8, p. 65.
10. История СССР, 1970, № 5, с. 24.
11. Коммунист, 1961, № 15, с. 70.
12. Правда, 9 сентября 1962.
13. J. Eldridge, A. Crombie. A sociology of organisations. Ind., 1974, p. 91.
14. Ibid., p. 111.
15. A.W. Gouldner. The dialectic of ideology and technology. N.Y., 1968, p. 264.

- 16 J. Eldridge, A. Crombie, op. cit., p. 119
- 17 Новый мир, 1968, № 12, с. 194.
- 18 L'Espresso, 1980, No. 8, p. 46.
- 19 Marxism today, Vol. 21, No. 2, February 1977, p. 55.

**ЧЕСТВОВАНИЕ АКАДЕМИКА САХАРОВА
В КОНГРЕССЕ США**

14 мая 1986

Дорогая госпожа Боннэр,

Американцы, как и граждане других стран, где уважается достоинство человека, будут отмечать 21 мая как День Андрея Сахарова.

Накануне Вашего возвращения на родину я хотел бы выразить Вам наше уважение Сахарову и восхищение его и Вашим мужеством и настойчивостью. Научные достижения д-ра Сахарова, его вклад в дело мира, его деятельность в защиту демократии и прав человека вдохновляют все человечество. Несмотря на заточение д-ра Сахарова в Горьком, мир не забыл его и никогда не забудет.

Я надеюсь, что Вы возвращаетесь к д-ру Сахарову с уверенностью, что мы и впредь будем делать все возможное, чтобы добиться его освобождения и способствовать торжеству тех принципов, во имя которых он приносит столь огромные жертвы.

С уважением

Рональд Рейган